

ILONA MOTEYUNAYTE (ИЛОНА МОТЕЮНАЙТЕ)

<http://orcid.org/0000-0001-6117-4555>**О ДВУХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГЕНЕРАЛАХ: РОМАНЫ ГЕОРГИЯ ВЛАДИМОВА
ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ И ТИМУРА КИБИРОВА ГЕНЕРАЛ И ЕГО СЕМЬЯ**

ABOUT TWO POST-SOVIET GENERALS:

NOVELS *THE GENERAL AND HIS ARMY* BY GEORGII VLADIMOV AND *THE GENERAL AND HIS FAMILY* BY TIMUR KIBIROV

The article is devoted to the comparison of novels about generals written in different periods of post-Soviet history: *The General and his Army* by Georgii Vladimov and *The General and his Family* by Timur Kibirov. The satirical tendency of depicting the general in Russian literature, the traditions of „lieutenant prose,” the popularity of the family novel genre in modern literature form the background for comparing novels. The author examines the genre, compositional and narrative techniques that writers use to comprehend the Soviet past; highlights the motive of the meeting of the general with the philologist. The comparison reveals the changes in attitudes towards the Soviet that have taken place in society over the 30 post-Soviet years, and reveals that the exposure of Soviet ideology develops from emphasizing the tragic in history to its deheroization. The use of psychologism techniques shows how writers share in their heroes the universally human, personal and historical. Thus, writers not only comprehend the past, but also react to their contemporary attitude towards it.

Keywords: modern Russian literature, Soviet past, image of a general, Georgii Vladimov, Timur Kibirov

В истории русской литературы образы генералов (или типологически близких им других офицеров высшего звена) настолько распространены, что выделить единственный смысловой ореол этого литературного типа в русском классическом каноне не представляется возможным. В этом поле существенна сатирическая линия, восходящая к полковникам Скалозубу, метящему в генералы, из грибоедовского *Горя от ума* (1824), а также Петру Владиславичу из толстовского *После бала* (1903); можно сказать, что благодаря школьной программе эта традиция закрепились в сказке Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина *Как один мужик двух генералов прокормил* (1869). Однако она сосуществует с героизацией высших военных чинов, как, напри-

мер, в цветаевском стихотворении *Генералам двенадцатого года* (1913).

В литературе XX в. названная тенденция имела своеобразное продолжение, связанное с реалиями эпохи. В Советской армии генеральские воинские звания были введены лишь в 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года. Поэтому для литературы о гражданской войне характерна иная номинация высших военных чинов: «командир»; слово же «генерал» в этот период ассоциировалось с царской армией; поэтому в литературе 1920-х–1930-х гг. красные командиры противопоставляются белым генералам. Образы же генералов Советской армии появляются только в произведениях о Великой Отечественной войне. Как известно, в литературе о ней сформировалось целое направление, получившее название по образу младшего офицера, — «лейтенантская проза»; по отношению к ней «генеральская литература» словно вторична и своеобразно оттеняет ее значение. Альтернативное обозначение «лейтенантской прозы» как «окопной правды»¹ возвышает младших офицеров над их начальниками для публики: участники войны доносили свои свидетельства от лица более демократичного персонажа, военный опыт которого, меняющий человека, позволял психологически и даже антропологически и онтологически описывать войну.

Деятельность же генералов Великой Отечественной в сознании советского человека тесно связывалась с руководством Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина; генералы существовали в литературе под его сенью и в тени партии. Подтверждающим это правило исключением выглядит Федор Федорович Серпилин из трилогии Константина Симонова *Живые и мертвые* (1959–1971). Любимым читателями героем стал генерал, переживший репрессии и возвращенный из лагеря, наряду с сотней других военачальников, чья помощь оказалась необходимой в экстремальных условиях июня 1941 г. Сложные отношения Серпилина с особистами выдвигают на первый план это темное пятно его биографии, отодвигающее героя от власти. Зато его военный профессионализм (симптоматично, что свою воинскую деятельность во время войны Серпилин начинает с организации обороны, чем оттеняется защищающая функция военного, в отличие от наступательной) отражает ту черту

¹ Первоначально это определение звучало пренебрежительно, но для нас важно его словарное, а не контекстное значение.

военной практики, которая обычно игнорировалась советской литературой. Ведь для победы в войне важна не только идеологическая составляющая власти и не только «скрытая теплота патриотизма» (Лев Толстой), акцентированная всеми пишущими о любой войне в России, но и профессиональные качества руководства и ресурсы страны. Этот властный аспект генеральства — доминирующее в сознании публики качество высших военачальников.

Появление в постсоветский период российской истории романов с заглавными героями-генералами, которые, в соответствии со своим званием и положением в обществе, воплощают черты военных профессионалов и владельцев или распорядителей ресурсов, заслуживает специального внимания. Роман Тимура Кибирова *Генерал и его семья* (2020) названием отсылает к роману Георгия Владимова *Генерал и его армия* (1994). Оба романа получили множество разных критических откликов. Наиболее жестко роман *Генерал и его армия* критиковал Владимир Богомолов², ему оказался созвучен Вячеслав Курицын³; однако Лев Аннинский, Андрей Немзер и Наталья Иванова высоко оценили авторское мастерство Владимова⁴. Роман Владимова оценен русским Букером в 1994 г. и признан лучшим за десятилетие в 2001. *Генерал и его семья* отмечен второй премией «Большой книги» в 2020 г.

В обоих случаях авторы обращаются к прошлому полувековой давности: Владимов в 1990-е пишет о войне, Кибиров — в конце 2010-х о 1970-х. Оба выстраивают свою концепцию советской эпохи, в соответствии с актуальным для себя социальным контекстом. Магистральная для постсоветской русской литературы тема осмысления советского прошлого отражается этими авторами с помощью героев, наделенных высоким социальным статусом, что позволяет взглянуть и на саму власть. Художественная задача анализа советской эпохи потребовала социальной широты и такого масштаба, который отражен в этимологическом зна-

² В. Богомолов, *Срам имут и живые, и мертвые, и Россия...*, «Свободная мысль — XXI» 1995, № 7, с. 79–103.

³ В. Курицын, *Военно-патриотический роман в трёх вариантах*, «Литературная газета» 1995, 11 октября, № 41, с. 4.

⁴ Л. Аннинский, *Спасти Россию ценой России*, «Новый мир» 1994, № 10, с. 213–221; А. Немзер, *Кому память, кому слава, кому тёмная вода*, «Сегодня» 1994, 17 июня, с. 87–89; Н. Иванова, *Дым отечества*, «Знамя» 1994, № 7, с. 183–185.

чении слова «генерал»: «общий» и «главный»⁵. При этом само отношение к советскому в России за четверть века изменилось. Идеологические колебания определили разность актуального социального и литературного контекста для писателей.

В частности, тема войны в 1990-е годы еще не совсем превратилась в историческую, и Владимов опирался на несколько литературных традиций, сформированных в рамках именно военной темы: толстовскую, с ее пацифистским пафосом; эпических полотен позднесталинского периода, с отражением темы партийной власти как определяющей ход действий; «лейтенантскую прозу», с ее психологизмом и натуралистичностью в освещении войны; запрещенные или замалчиваемые в СССР произведения типа *Жизни и судьбы* (1959) Василия Гроссмана и *Убиты под Москвой* (1961) Константина Воробьева⁶. Однако Владимов включил войну в контекст действий советской власти на протяжении всей военной и довоенной истории, что было вызвано социальным запросом перестройки на заполнение лакун в освещении советской истории в целом; разоблачительный пафос преобладал в публицистике и беллетристике того времени, и интенция писателя правдиво рассказать об освобождении Киева и цене победы соответствовала духу эпохи.

Девять дней сюжетного действия романа разбавлены в повествовании ретроспекциями в события Гражданской войны, коллективизации и сталинских репрессий, которым посвящена целая глава. Поведение военачальников во время войны показано как специфический результат управления страной. Нельзя сказать, чтобы этого не было в предыдущей литературе; но в произведениях Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Виктора Астафьева и других лейтенантов русской литературы общая оценка советского правления не выходила на первый план в рассказе о трагедии собственно войны. Она показывалась с разной степенью социально-исторических обобщений, но всегда была побочной темой на фоне осмысления самой войны и поведения

⁵ «Французское же слово восходит к латинскому *generalis* — «общий», «всеобщий», «главный», «стоящий над всеми», образованному от *genus* — «род», «родовой». *Этимологические онлайн-словари русского языка*, <https://lexicography.online/etymology/> (10.06.2022).

⁶ И. Мотеюнайте, *Солдатское сердце: роман Георгия Владимова «Генерал и его армия»*, «1 сентября» 2007, № 9, с. 3–6, <https://lit.isept.ru/article.php?ID=200700914> (10.06.2022).

на ней человека. Владимов же, используя довольно сложную композиционную структуру, формирует однозначную оценку советского строя в целом. Характерен отклик рецензента:

«Генерал и его армия» — роман если и о войне, то не о той, которая у нас называется «Великой» и «Отечественной». Правда, в нем есть бытовые детали, события, имена, географические названия, которые позволяют предположить, что дело происходит в Советском Союзе во время вышеназванной войны, но, присмотревшись, легко убедиться: это лишь видимость⁷.

Владимов обличает бесчеловечность сталинского режима и композиционными средствами, расширяющими художественное время, и другими приемами: отбором действующих лиц, историческими и литературными аллюзиями.

Вопреки реалиям войны, высоких армейских чинов в его романе больше, чем младших офицеров и солдат. Среди персонажей — исторические лица высшего эшелона власти: Иосиф Виссарионович Сталин, Лаврентий Павлович Берия, Никита Сергеевич Хрущев и военного командования с обеих сторон: Хайнц Вильгельм Гудериан и Франц Гальдер, Георгий Васильевич Жуков, Николай Фёдорович Ватутин, Андрей Андреевич Власов; названы Адольф Гитлер, Василий Константинович Блюхер и Михаил Николаевич Тухачевский. Давая фамилии некоторым героям, он изменяет их так, чтобы их прототипы все же узнавались: в Чарновском Черняховский, в Рыбко Рыбалко, в Терещенко Москаленко. Называя главного героя «негромким командармом» по фамилии Кобрисов, автор подсказывает читателю эпизод из биографии генерала Никандра Евлампиевича Чибисова, на самом деле командовавшего 38-й армией; а его не самое распространенное имя Никандр отзывается в редком Фотий, как именован Кобрисов.

Концентрация персонажей из высшего командования, подробная сцена совещания о взятии Киева, рассказы о разработке планов военных действий, перспективные отступления в область военной науки, сам сюжет об административно-политической интриге, в которую втянут главный герой, и способах вербовки осведомителей смершем, — все это показывает войну на новом уровне социального обобщения, хотя и опирается на

⁷ О. Давыдов, *Между Предславлем и Мырятиным. Стратегический дар Георгия Владимова*, «Перемены. Толстый веб-журнал», <https://www.pereмены.ru/column/view/985/> (10.06.2022).

сложившуюся традицию военной прозы. Мысль об ответственности руководства многократно звучала у других авторов в отдельных разоблачительных эпизодах, однако Владимов подробно иллюстрирует ее в своем романе, создавая целостную картину командования советскими войсками и выдвигая прямые инвективы в адрес Жукова с его «четырёхрядкой». Он во многом трансформировал традицию в социально актуальную для 1990-х гг. сторону, и этот уровень изображения войны был непривычен советским читателям, выглядел очернительством святого.

Наум Лейдерман прямо назвал стратегию Владимова выстраиванием собственного мифа и указал на его коммуникативную природу:

Но особенность реалистического мифа состоит в том, что он действительно претендует на объективность, при этом сама реалистическая поэтика (поэтика жизнеподобия) предполагает диалог между авторским мифом и читателем, провоцируя читателя постоянно сопоставлять свой опыт с «виртуальной реальностью» художественного мифа, созданного писателем, — искать в вымышленном персонаже «знакомого незнакомца», находить в той или иной мере условных обстоятельствах то, что делает их типическими. И в этом диалоге автор должен переубедить читателя, заставить его перестроить свои прежние представления, принять «новую мифологию». Это всё самым непосредственным образом относится к роману «Генерал и его армия».

Короче говоря, диалог между знанием об Отечественной войне, которым владеет современный читатель, и тем мифом о войне, который выстроил Г. Владимов, неизбежен⁸.

В своем анализе романа Лейдерман, выделяя модернистские черты поэтики Владимова, называет составляющие его мифа о войне: обнажение страха как основы правления, формирующего рабов; анализ варианта национальной идеи, в котором «сильнее ненависти к собственным палачам оказывается ненависть к захватчикам-чужеземцам»⁹; героизация генерала Власова, представленного в ореоле великомученика Феодора Стратилата; утопические проекты сопротивления власти, представленные Власовым, Кирносом и Кобрисовым. Все эти составляющие определяют символический смысл романа, посвященного не столько войне, сколько осмыслению истории:

⁸ Н. Лейдерман, *Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня*, «Урал» 2003, № 7, <http://uraljournal.ru/work-2003-7-1367> (10.06.2022).

⁹ Там же.

О ДВУХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГЕНЕРАЛАХ...

[...] художественный миф Г. Владимова, его модель Отечественной войны, созданная в романе «Генерал и его армия», служит эстетическому постижению целого комплекса сложнейших историсофских и психологических проблем, и прежде всего — связи между философией истории и моралью, исторической практикой и психологией человека и целого общества¹⁰.

Еще один способ формирования такого уровня обобщения — толстовские аллюзии в романе Владимова. О постоянных отсылках его читателя к Толстому писали практически все, кто писал о романе вообще¹¹. Автосравнения адъютанта Донского с Андреем Болконским или чтение Гудерианом перевода *Войны и мира* в Ясной Поляне в кабинете Толстого и многие другие аллюзии на Толстого невозможно не заметить. Для осмысления происходящего с человеком и образованные герои романа, и его автор прибегают к историко-литературным параллелям, включая себя в сформированный литературой контекст. Характерно композиционное распределение названных знаков толстовской традиции: по мере развития повествования они сходят на нет. Владимов дополнил журнальный вариант романа трагическим финалом, главой *Снаряд*, в которой говорится о гибели всех основных героев. Фабульно разнесенные во времени, их смерти объединены в одну финальную сцену романа, что усугубляет его высокую трагичность. Автор в этой сцене заставляет Андрея Николаевича Донского отказаться от сравнений, которыми он жил в течение всей своей карьеры. Оставляя его наедине с реальностью, автор показывает приятие себя и своего места в жизни. Литература же, олицетворенная здесь *Войной и миром*, словно направляет человека к осмыслению собственного бытия, и исторического, и личного.

Эта мысль о литературе/словесности как о конденсации человеческого опыта и главной форме репрезентации универсальных ценностей, объединяет (кроме заглавных героев-генералов) роман Владимова с романом Кибирова. Органично свойственная поэтике Тимура Кибирова цитатность своеобразно преломляет-

¹⁰ Там же.

¹¹ Обобщения этой темы см.: И. Искендинова, *Две войны: «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Генерал и его армия» Г. Н. Владимова*, «Эстезис: журнал о литературе» 2019, № 4 (33) июль-август, <https://aesthesis.ru/magazine/july-august19/two-wars-vladimov> (10.06.2022); Т. В. Демидович, *Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне*, «Вестник башкирского университета» 2019, т. 24, № 2, с. 450–454.

ся и в его «историческом романе» *Генерал и его семья*. Вторым компонентом заглавия *...и его семья* автор отправляет нас к семейному роману; он и сам однажды называет свое произведение «семейной сагой»¹². Во второй половине 2010-х, когда Кибиров работал над своим «историческим» романом, фокус интереса к советскому прошлому сместился в сферу частного. Сформированная в 1990-е идея о травматичности тоталитарного режима в СССР стала развиваться в двух противоположных направлениях: с одной стороны, в соответствии с усилившейся идеологической пропагандой и ростом ностальгии в обществе, советское прошлое стало идеализироваться; а с другой — конкретные «свидетельства» очевидцев перерабатывались в художественной словесности в сторону рассказов о преодолении советской травмы. Отсутствие общей «коллективной памяти» (по Морису Хальбваксу) в России XXI в., на наш взгляд, можно считать одной из причин развития «семейной истории» в литературе.

В современной русской литературе неожиданно актуализировалась жанровая форма семейного романа, взявшая на себя осмысление именно недавней советской истории: *Женщины Лазаря* (2011) Марины Степновой, романы Елены Чижовой, Елены Катишонок, Гузель Яхиной. Трагическое прошлое страны в XX столетии постепенно становится историей, которая пишется отдельными семейными историями.

Кибиров сужает художественное пространство и время до истории одной семьи, идя по намеченному жанром пути. Как отметила Инна Булкина,

[...] роман этот не про советскую власть (хотя и про нее тоже) и не про энтропию, он именно что про генерала и его семью и про то, что жизнь побеждает смерть неизвестным науке способом¹³.

Этим оптимистичным пафосом роман Кибирова противостоит трагической тональности романа Владимова.

Описывая полувековую давность (середину 1970-х), Кибиров второй раз прощается с советским прошлым. Его ранняя поэма *Сквозь прощальные слёзы* (1987), уже обросшая внушительным

¹² Т. Кибиров, *Генерал и его семья: исторический роман*, Индивидуум, Москва 2020, с. 378.

¹³ И. Булкина, *Генеральская дочка*, «Знамя» 2020, № 5, <https://magazines.gorky.media/znamia/2020/5/generalskaya-dochka-3.html> (10.06.2022).

О ДВУХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГЕНЕРАЛАХ...

комментарием Романа Лейбова, Олега Лекманова и Елены Ступаковой¹⁴, была посвящена той же теме: описанию советского существования. Прозаический вариант развития темы оказался намного сложнее и субъективней, на что обратила внимание Ольга Балла:

Но роман — гораздо более внутренний, личностный, чем поэма, потому что, при всех художественных домыслах и вольностях, он — о самом себе и собственной семье, о единственном, штучном, уникальном опыте. Личностнее не бывает¹⁵.

Однако жанровый подзаголовок «исторический» намечает перспективу и сосредоточивает внимание читателя на необходимых обобщениях. Привлечение эго-документов (дневника отца и стихов друга, писем Шолохова Сталину и др.), очевидная автобиографичность (жизнь ребенка в военном городке, образы родителей, отец-полковник; собственные стихи, приписанные герою; игра Степки в школьной музыкальной группе) придает роману лиричности и убедительности. Советский человек через тридцать с лишним лет разбирается со своим непростым семейным прошлым, осознавая его частью советской истории, и рисует картину личного как исторического на очень конкретном и обширном материале. Множество точных деталей советской жизни и уникальный опыт ее проживания обеспечивают, если воспользоваться формулой Михаила Бахтина, «неслиянное и нераздельное» сосуществование в романе личного и общего. В отличие от поэмы *Сквозь прощальные слезы* Кибиров в своем «историческом романе» за дистанцирующей иронией прячет не ностальгию, а понимание, любовь и прощение. Это особенно ценно на фоне массовой ностальгии в стране, поскольку ему удается разделить субъективно человеческое, «семейное» и объективно историческое. В этом разделении и проявляется актуальность романа для конца 2010-х — начала 2020-х, когда в общественном сознании смешались идеализация советского быта, мифологизация советского прошлого и одновременно

¹⁴ Р. Г. Лейбов, Е. Ступакова, О. Лекманов, «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения, Издательство Б.С.Г.-Пресс, Москва 2020.

¹⁵ О. Балла-Гертман, *Тимур Кибиров: «Генерал и его семья»*, «Современная литература» 2020, <https://sovlit.ru/articles/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya> 20.07.2020 (10.06.2022).

стремление освободиться от травматичного наследия, вопреки провластной пропаганде.

Автор выстраивает в тексте образ себя-литератора, поэта Тимура Кибирова, чьим фирменным приемом признана цитатность. Литература (и искусство вообще, особенно важна музыка) как средство описания советской истории демонстративно представлены приведенным в конце списком процитированных в романе произведений. Не связанный рамками реалистического жизнеподобия, Кибиров создал свою версию советского прошлого и советского генерала.

Выбор героя имеет биографическую основу, но и не лишен концептуальной новизны. Кибировский генерал — довольно типичный образец «простого советского человека», которому установившаяся после революции власть подарила возможность необычной карьеры от сироты-беспризорника до генерала. Он живет в мирное время и лишен возможности демонстрировать свои личные рыцарские качества, каковыми его наделяет автор. Здесь читатель смотрит на генерала не как на носителя власти (это автор не забывает упоминать, описывая восприятие своего героя другими персонажами), а как на любящего отца, меломана и обыкновенного советского гражданина. Однако генерал со смешным именем Василий Иванович Бочажок в пору зрелости, по замыслу автора, совершает немислимый для эпохи поступок: отказывается от службы в пользу дочери, пожелавшей эмигрировать в Израиль. Семейный конфликт, определяющий сюжет этого исторического романа обусловлен политическими разногласиями и оценкой существующего режима. Кибиров лишает своего генерала ореола власти на всех уровнях, от внешности до действий, снижая его образ именем и обликом и возвышая музыкальными пристрастиями и моральными качествами, проявляющимися в семейных отношениях. Это генерал по недоразумению.

Решение генерала подписать согласие на отъезд дочери продиктовано не только его безмерной любовью к ней, но и оценкой советской власти брежневской эпохи как власти торжествующей лжи и лицемерия. Василий Иванович понимает это, когда автор заставляет его посмотреть вокруг глазами дочери, учившейся в столице на филологическом факультете. Филологическое образование оказывается, по Кибирову, гарантом политического диссидентства. Аня показана несколько иронично, однако имен-

но ее детское увлечение чтением и мировоззренческий перелом, вызванный блоковскими стихами, определяют всю ее судьбу. Филологический след явлен не только в стиле романа и его композиции (список в конце), но и в прямой декларации: рассказчик говорит о собственном опыте «двойного» существования: предлагает на заседаниях читать *Труды по знаковым системам* и *Поэтику ранневизантийской литературы*. Гуманитарное образование в образе книг Юрия Михайловича Лотмана и Сергея Сергеевича Аверинцева обуславливает критическое отношение к советской власти; и «эстетические разногласия» с ней неизбежно ведут к политическому протесту. В сущности, Кибиров транслирует в романе ситуацию триумфа филологической науки в 1970-е, из которых он сам и вышел; как и героиня, он принадлежал «к последнему поколению (ну, может, предпоследнему), которое воспитано было не столько семьей и школой, сколько изящной словесностью»¹⁶.

Отметим, что аналогичное переосмысление коммунистической идеологии генералом Кобрисовым в романе Владимова начинается с его «бесед у параша» с «писучей жилкой», в образе которого узнаются Михаил Михайлович Бахтин, Дмитрий Сергеевич Лихачев и, возможно, Михаил Леонидович Лозинский, — филологи, пережившие репрессии. Таким образом, оба писателя используют мотив встречи (в его символическом варианте) генерала с филологом. Если генералы в социальном отношении — обладатели военной силы и представители социальной (земной) власти, то филологи наделяются авторами статусом учителя и носителя высшего знания, которое придает перспективу оценки реальности. Взаимодействие и сближение этих сил оказывается необходимым условием гармонизации в оценке советского прошлого.

Итак, рассмотрение заглавных образов генералов в романах Георгия Владимова и Тимура Кибирова позволяет говорить о нескольких тенденциях в изображении советского прошлого. Во-первых, отодвигаясь во времени, этот период истории стал осознаваться все более значимым и определяющим настоящее. Во-вторых, его мифологизация, начавшаяся в 1990-е годы, сменилась большей индивидуализацией и вниманием к частному и личному. Прошедшая четверть века отразилась снижением

¹⁶ Г. Н. Владимов, *Генерал и его армия*, Издательство АСТ, Издательство Астрель, Москва 2004, с. 214.

социальной значимости высшего военного чина: в своих генералах и Владимов, и Кибиров акцентируют профессиональные и личностные черты в большей степени, чем властные, и у Кибирова эта тенденция проявлена и в жанре, и в создании образа, и в сюжете. В-третьих, учитывая «властный» элемент в чине генерала, оба писателя показывают ограниченность политической власти советского периода и указывают на необходимость ее корректировки гуманитарным образованием, вводя в тексты мотив встречи генерала с филологом.

REFERENCES

- Anninskiy, Lev. "Spasti Rossiyu tsenoy Rossii." *Novyy mir*, 1994, no. 10: 213–221 [Аннинский, Лев. "Спассти Россию ценой России." *Новый мир* 1994, no. 10: 213–221].
- Balla-Gertman, Ol'ga. "Timur Kibirov: Generali yego sem'ya." *Sovremennaya literatura*, 20 iyulya 2020 [Балла-Гертман, Ольга. "Тимур Кибиров: Генерал и его семья." *Современная литература*, 20 июля 2020] <<https://sovlit.ru/articles/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya>>.
- Bogomolov, Vladimir. "Sram imut i zhivyye, i mertvyue, i Rossiya..." *Svobodnaya mysl'* — XXI 1995, no. 7: 79–10 [Богомолов, Владимир. "Срам имут и живые, и мертвые, и Россия..." *Свободная мысль — XXI* 1995, no. 7: 79–103].
- Bulkina, Inna "General'skaya dochka." *Znamya* 2020, no 5 [Булкина, Инна "Генеральская дочка." *Знамя*, 2020, no. 5] <<https://magazines.gorky.media/znamia/2020/5/generalskaya-dochka-3.html>>.
- Davydov, Oleg. "Mezhdru Predslavlem i Myryatinym. Strategicheskii Dargeorgiya Vladimova." *Peremenu. Tolstyy veb-zhurnal* [Давыдов, Олег. "Между Предславлем и Мырятиным. Стратегический дар Георгия Владимова." *Перемены. Толстый веб-журнал*] <<https://www.peremenu.ru/column/view/985/>>.
- Demidovich, Tat'yana "Literaturnyye traditsii v sovremennoy proze o Velikoy Otechestvennoy voynе." *Vestnik bashkirskogo universiteta* 2019, no. 2: 450–454 [Демидович, Татьяна "Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне." *Вестник башкирского университета* 2019, no. 2: 450–454].
- Ivanova, Natal'ya. "Dym otechestva." *Znamya* 1994, no. 7: 183–185 [Иванова, Наталья. "Дым отечества." *Знамя* 1994, no. 7: 183–185].
- Iskendiroya, Inar. "Dve voyny: 'Voynai mir' L. N. Tolstogo i 'General i yego armiya' G.N. Vladimova." *Estezis: zhurnal o literature* 2019, no. 4 [Искендиroya, Инар. "Две войны: Война и мир Л. Н. Толстого и Генерал и его армия Г. Н. Владимова." *Эстезис: журнал о литературе*, 2019, no. 4] <<https://aesthesis.ru/magazine/july-august19/two-wars-vladimov>>.
- Kibirov, Timur. *General i yego sem'ya: istoricheskiy roman*. Moskva: Individuum, 2020 [Кибиров, Тимур. *Генерал и его семья: исторический роман*. Москва: Индивидуум, 2020].

О ДВУХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГЕНЕРАЛАХ...

- Kuritsyn, Vyacheslav, “Voyenno-patrioticheskiy roman vtrëkh variantakh.” *Literaturnaya gazeta*, 11 oktyabrya 1995: 4–5 [Курицын, Вячеслав, “Военно-патриотический роман в трёх вариантах.” *Литературная газета*, 11 октября 1995: 4–5].
- Leybov, Roman at all. *Gospod'! Prosti Sovetskomu Soyuzu! Poema Timura Kibirova 'Skvoz' proshchal'nyye slezy': Opyt chteniya*. Moskva: Izdatel'stvo B.S.G.-Press, 2020 [Лейбов, Роман и др. *Господь! Прости Советскому Союзу! Поэма Тимура Кибирова 'Сквозь прощальные слезы': Опыт чтения*. Москва: Издательство: Б.С.Г.-Пресс, 2020].
- Leyderman, Naum. “Georgiy Vladimov i yego generaly, ili Realizm segodnya.” *Ural* 2003, no. 7 [Лейдерман, Наум. “Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня.” *Урал* 2003, no 7] <<http://uraljournal.ru/work-2003-7-1367>>.
- Moteyunayte, Ilona. “Soldatskoye serdtse: roman Georgiya Vladimova ‘General i yego armiya’” [Мотеюнайте, Илона. “Солдатское сердце: роман Георгия Владимова Генерал и его армия”] <<https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200700914>>.
- Nemzer, Andrey. “Komu pamyat' komu slava, komu temnaya voda.” *Segodnya 17 iyunya* 1994: 87–89 [Немзер, Андрей. “Кому память кому слава, кому темная вода.” *Сегодня 17 июня* 1994: 87–89].
- Vladimov, Georgiy. *General i yego armiya*. Moskva: Izdatel'stvo AST, Izdatel'stvo Astrel', 2004. [Владимов, Георгий. *Генерал и его армия*. Москва: Издательство АСТ, Издательство Астрель, 2004].